

УДК 94(436)

Лохова Ирина Витальевна

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ В АВСТРИИ В 50-80-е гг. XIX в.

В статье показаны особенности развития социального законодательства Австрии в 50-80-е гг. XIX в. Автор приходит к выводу о влиянии германского опыта, кроме внутренних факторов на социальную политику Вены.

Ключевые слова: страхование, рабочий класс, больничные кассы, законодательство, фабричные инспекции.

Lokhova Irina V.

DEVELOPMENT OF SOCIAL INSURANCE SYSTEM OF WORKERS AND EMPLOYEES IN AUSTRIA IN 50-80-ies IN THE 19th CENTURY

The candidate represents the Department of Ancient History and the Middle Ages (North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov).

Summary: the present article shows the specific features of the social legislation development in Austria in 50-80-ies in the 19th century. The author comes to the conclusion that besides internal factors German experience influenced on social policy in Vienna.

Key words: insurance, the working class, health insurance, legislation, factory inspection.

Австрийская половина империи Габсбургов в XIX в. в проведении социальной политики полностью ориентировалась на учет германского опыта. В Вене и в Берлине правящие круги понимали необходимость принятия мер по улучшению положения рабочих и служащих. Кроме ощущения страха перед набирающим силу рабочим движением и социал-демократической партией, Вена руководствовалась традиционной имперской идеей, которой Габсбурги были привержены до самого краха империи. Она трактовала монархию, как над классовую и над сословную структуру, ей был присущ патернализм, требовавший заботы монарха обо всех своих подданных. Социальная политика О. Бисмарка вызывала пристальное внимание в Вене, о ней много писала австрийская пресса, говорили с парламентской трибуны, обсуждали в профсоюзах и объединениях промышленников. Германский опыт постоянно изучался правительственными структурами. Все это дало основание известному европейскому специалисту по рабочему законодательству А. Бове утверждать, что австрийское социальное законодательство практически полностью копировало германское социальное законодательство [см. 2].

В декабре 1859 г. в стране принимается новый промышленный кодекс. Он открывал путь к созданию в Австрии единого экономического и социального пространства. Кодекс отменял местные таможи, столь ненавистные рядовым жителям страны, поскольку они существенно повышали цены на продовольствие и товары широкого потребления [15, s. 107]. Кодекс ликвидировал привилегии гильдии и поощрял создание торгово-промышленных ассоциаций. Он четко предписывал на всех промышленных объектах, где трудилось более 20 чел. создавать фабричные кассы, которые должны были оказывать помощь рабочим во время несчастных случаев и по болезни [4, s. 53–57]. В то же время закон позволял предпринимателям не создавать новые фабричные кассы, разрешая присоединяться к уже действующим фабричным кассам. Данная мера должна была снизить издержки предпринимателей и не создавать бесконечное число касс, законодатель сознательно стремился к укрупнению касс, только в таком случае они могли действовать эффективно. Закон регулировал финансовые аспекты проблемы. Рабочие должны были вносить в качестве взносов не более 3 % своей заработной платы. Предприниматели в страховой фонд вносили 50 % от суммы средств, собранных рабочими [4, s. 53–57]. Следовательно, рабочие формировали большую часть страхового фонда.

Кроме этого, кодекс открывал дорогу для ограничения детского труда, особенно в ночное время и на вредных производствах. В то же время попытка закрепления в кодексе института фабричных инспекторов не удалась из-за сопротивления торгово-промышленных кругов страны.

Кодекс оставил много неясностей и противоречий, что затруднило реализацию на практике его положений. После введения его в силу в стране возникло небольшое количество новых фабричных касс. Постоянно возникали споры между работодателями и рабочими по поводу формирования страховых фондов и условий деятельности касс. Для многих рабочих положения сложного юридического закона были непонятными и громоздкими. Конфликты возникали во круг определения страховых случаев и т.д. Все это привело к резкой критике Кодекса 1859 г. с точки зрения регламентирования деятельности фабричных касс.

В эпоху дуализма развитие социального законодательства происходило со значительными трудностями. В 60–70-е гг. в австрийской половине империи находились у власти либералы. Они отрицательно относились к развитию социального законодательства [3, s. 5–6]. Будучи приверженцами идей свободного капитализма, они полагали, что любое вмешательство государства во взаимоотношения между рабочими и работодателями чревато отрицательными последствиями, способными нанести колоссальный удар по молодой австрийской промышленности. По мнению австрийских либералов, дополнительные расходы предпринимателей на социальное страхование изымали столь необходимые для индустрии страны инвестиции. Возможное участие государства в формировании страховых фондов также не приветствовалось либералами. В условиях дефицита государственного бюджета, данное обстоятельство могло привести к новым налогам для бизнеса и широких слоев населения.

Одновременно правительство было озабочено ростом социальной напряженности в обществе и увеличением числа выступлений пролетариата [3, s.5–6]. В данной ситуации часть либералов начинает понимать необходимость решения рабочего вопроса. Министр торговли Австрии в 1867–1870 гг. и один из лидеров австрийских либералов И. фон Пленер признавал, что государство должно в разумных пределах предпринять усилия по улучшению положения рабочих. Правда, его рассуждения не шли дальше возможности ограничения длительности рабочего дня. В этом он видел инструмент по борьбе с социализмом и революцией [7, s. 5–6]. Скорее всего министр готов был пойти на ограничения рабочего дня только для женщин, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Для И. Пленера, как и для всех австрийских либералов, опыт викторианской Англии имел непререкаемый авторитет, поэтому усилия Лондона по сокращению рабочего дня порождали у них размышления о возможности таких действий в Австрии.

Однако даже эти робкие попытки не нашли поддержки среди большинства членов правительства и либеральной партии. Министерство торговли под влиянием торгово-промышленного лобби провалило проект ограничения труда детей и юношей до 21 года. Либералы не собирались идти на существенные уступки, по-прежнему веря в силу свободного рынка [3, s. 6]. На ремарки о необходимости ограничения труда женщин либералы подчеркивали, что они равноправные участники свободного рынка труда, поэтому они не нуждаются в особом юридическом статусе [8].

У социального законодательства в Австрии появился еще один мощный противник в лице части аристократии, которая возражала против включения в страховые программы сельскохозяйственных рабочих, что вело к изъятию части средств у них в пользу наемных рабочих. Кроме этого аристократы опасались, что система социального страхования была способна разрушить основы традиционных, патриархальных взаимоотношений между аристократией и рабочими и привести к росту стоимости наемного труда в сельской местности.

Следует отметить, что социал-демократы Австрии также с большим недоверием относились к деятельности правительства в области социального страхования рабочих. Многие лидеры социал-демократов полагали, что больничные кассы фиксируют полуголодное существование рабочих, снижают их классовую борьбу и мешают борьбе за полноценное улучшение положения пролетариата, что можно будет сделать с помощью обобществления большей части собственности [6].

Биржевой кризис 1873 г. и последовавшая за этим депрессия серьезным образом ухудшает положение рабочих. Кризис одновременно поколебал веру в устойчивость свободного капитализма, что привело к резкому падению популярности либералов в стране. В 1880 г. группа аристократов во

главе с князем А. Лихтенштейном и графом Э.Белькреди, поддержавших идею проведения социальных реформ, опубликовали доклад, в котором они показали всю тяжесть положения рабочих в Австрии. Этот доклад вызвал большой резонанс в обществе [4, s.28–29]. Аристократы предлагали более масштабный проект переустройства общества, где социальные реформы занимали только определенное место. Они отводили социальным проектом промежуточную роль в общем наступлении на капитализм и либералов [11, s.43–46]. В этих условиях становилась очевидной необходимость принятия экстренных мер по улучшению положения пролетариата [3, s. 6].

На рубеже 70–80-х гг. в австрийском обществе происходят значительные изменения. В 1879 г. к власти приходит консервативное правительство Э. Тааффе, что ознаменовало закат либеральной эры в Цислайтании. Правительство опиралось на поддержку католической церкви, которая требовала немедленного ограничения рабочего дня женщин, чтобы они могли больше внимания уделять семье. Кризис 1873 г. показал анахронизм промышленного кодекса 1859 г. [3, s.7]. Существенные изменения происходят внутри либеральной партии и партии немецких националистов. Они согласились с необходимостью ограничения труда женщин [9, s. 202].

Избирательная реформа 1882 г. предоставляла право голоса всем мужчинам имевшим доход более 5 гульденов, что увеличило численность избирателей и привело к некоторой демократизации австрийского парламента и росту в нем авторитета сторонников социальных реформ. В парламенте сформировалось устойчивое большинство, настроенное против либералов и социалистов, готовое в духе классической имперской доктрины внедрять в стране патернализм. Политические партии в Австрии превращаются в массовые организации, теперь их лидерам стало сложно игнорировать интересы рядовых жителей страны [14].

Несмотря на это, сопротивление приверженцев классического либерализма, консервативное правительство граф Э. Тааффе приступает к реализации широкой программы социальных реформ. Правда, первоначально правительство занимало в этом вопросе выжидательную позицию. В 1879–1880 г. оно провело дискуссию о возможности ограничения женского труда. Однако она закончилась безрезультатно. Правительство стремилось тщательно проработать реформу и подготовить для этого общественное мнение. В марте 1883 г. была внесена поправка в торгово-промышленный кодекс, который расширял права рабочих при управлении уже действующими больничными кассами. Закон 1883 г. обязал всех промышленных рабочих страховать на случай болезни в профессиональных кассах, создаваемых на этот случай. Закон носил обязательный характер и не допускал исключений. Примечательно, что в это же время такой закон принимается в Германии. Предприниматели должны были создавать страховые кассы или присоединяться к уже действующим структурам, что, в общем, повторяло положения промышленного устава 1859 г. Большая часть страховых фондов формировалось за счет отчислений рабочих [3, s.7].

После чего 17 июня 1883 г. император подписывает закон о введении в стране института фабричных инспекторов, кстати, обе палаты парламента поддержали данный закон значительным большинством [4, s.169]. Хотя часть предпринимателей настаивало на том, чтобы инспектора подчинялись не государству, а представляли интересы корпоративного сообщества. Э. Тааффе наоборот стремился создать независимый орган контроля, который мог противостоять давлению со стороны работодателей. Только немецкие либералы решительно критиковали данный законопроект, так как они опасались за судьбу австро-немецких предпринимателей в чешских землях, полагая, что инспекции смогут стать инструментом давления на промышленников, в том числе и в решении политических вопросов. Однако вскоре эти опасения развеялись. Система охраны труда в Австрии в полной мере заработала в 1885 г.

Реформы Э. Тааффе принимались одновременно с социальными законами, принятыми в Германии после знаменитого манифеста императора 1881 г. Правительство Австрии при разработке реформ соотносило свои действия с аналогичными мероприятиями в Германии. Однако при проведении социальных реформ правительство Австрии учитывало еще швейцарский опыт. Э. Тааффе ставил перед своим правительством задачу-максимум – приближение к германской системе социального страхования и задачу минимум – реализация швейцарского варианта социальных реформ [3, s.5].

После появления закона 1883 г. в Австрии большими темпами в различных регионах страны стали создаваться фабричные кассы. Причем довольно часто рабочие создавали кассы самостоятельно, так называемые «вольные кассы». Нередкими в Австрии стали примеры, когда работодатели закрывали свои кассы и вместе с рабочими и собственными фондами присоединялись к «вольным кассам» [1, с.46]. К 1888 г. в стране насчитывалось уже 40 «вольных касс», объединявших более 36,2 тыс. рабочих [1, с.46]. Однако серьезным минусом в развитии «вольных касс» стала неопределенность их юридического статуса. Данное несоответствие было устранено только после выхода закона от 16 июля 1892 г.

В отличие от Германии австрийское правительство уделяло мало внимания страхованию рабочих от несчастных случаев. Представители предпринимательства также проявляли слабый интерес к данному типу страхования, опасаясь значительных финансовых трат. К тому же в Австрии производственный травматизм был распространенным явлением. По инициативе незначительной части предпринимателей в стране возникло несколько страховых касс, занимавшихся страхованием рабочих на случай получения производственной травмы. Но это была полностью частная инициатива, и она охватывала незначительное количество промышленных предприятий. Социальная ответственность бизнеса в Австрии была еще развита слабо. К тому же за пределами данной инициативы оказались предприятия металлургии и машиностроения, где фиксировался наибольший травматизм. В принципе, в стране действовал Гражданский кодекс 1811 г., который возлагал ответственность за травмы на администрацию, если доказывался факт, что она неправильно определила профессиональный круг задач рабочего получившего травму. В результате всего 5 % рабочих получало в Австрии помощь за производственный травматизм [1, с.46].

Исключением в данной тенденции являлся железнодорожный транспорт. 5 марта 1869 г. в Австрии был принят закон, который возлагал на железнодорожные компании ответственность за страхование рабочих на случай получения производственной травмы. На получение пособия могли претендовать те лица, которые получили травмы без нарушения правил безопасности труда. Если рабочий или служащий получал увечье по собственной вине то, он не подлежал страхованию. Поэтому железнодорожные компании в большинстве случаев стремились возложить ответственность на самих рабочих и служащих. В этой ситуации примечателен тот факт, что австрийский закон 1869 г. практически полностью копировал соответствующий прусский закон от 1838 г. 30 марта 1880 г. в Австрии приняли первый закон, регулирующий систему страхования рабочих на случай болезни.

С середины 80-х гг. правительство Э. Тааффе стало понимать, что дальше эта ситуация не может оставаться без изменений. Рост травматизма, социальной напряженности среди рабочих и жесткая критика со стороны социал-демократов требовало проведение решительных действий. Взяв за основу германский закон о страховании рабочих на период потери трудоспособности в результате производственной травмы, австрийское правительство разрабатывает собственный закон.

Подавляющее число политиков и интеллектуалов Австрии понимало необходимость введения в стране социального законодательства. Германский опыт им показывал важность и неизбежность данного процесса. Лидер христианских социалистов в парламенте Австрии К.Люгер прямо заявил о важности интеграции рабочих и ремесленников в имперское пространство. У него не вызывало сомнения, что решение социальных проблем позволит укрепить единство Австрии, империи Габсбургов и сбить накал межнациональных противоречий [10, s. 2534]. Воспитанный на принципах католической доктрины, К.Люгер решительно выступал против крупного капитала и призывал к перераспределению доходов в пользу малообеспеченных слоев населения. Правда, в отличие от социал-демократов, он стремился распространить социальное законодательство не только на рабочих промышленных предприятий, но и на ремесленников, сельскохозяйственных рабочих и крестьян. Данный момент вызывал острую дискуссию между социал-демократами и христианскими социалистами.

Большинство фракций в парламенте, вне зависимости от их политической и национальной ориентации, признавало необходимость срочного решения рабочего вопроса. Правящую элиту и интеллектуалов волновал вопрос о достижении в наднациональной империи принципа социальной солидарности и ответственности, только так империя могла достичь гармонизации социальных и политических процессов [12, s. 13]. Традиционный имперский принцип присущий Германии и Австрии предполагал социальный патернализм, как один из основополагающих

принципов имперской власти. Во время парламентских дискуссий депутаты прямо подчеркивали, что государство должно заботиться о рабочих [10, s. 4105]. Газеты страны, политическая аналитика свидетельствовали о нарастании социальной напряженности в обществе и роста среди рабочих радикальных настроений. В это время отмечается рост популярности среди австрийских рабочих идей анархизма. Это вызывало беспокойство как среди либералов и консерваторов, так и среди социал-демократов, претендовавших на исключительную роль в деле защиты интересов рабочего класса. В конечном итоге парламент пришел к общему компромиссу – государство необходимо примерить с рабочим классом [10, s. 4105].

Депутаты и члены правительства при разработке социального законодательства во второй половине 80-х гг. осознавали важность не допущения разрастания рабочего движения, набравшего размах в стране [14, s. 409]. Первым тревожным симптомом стали революционные события 1848 г., когда рабочие приняли активное участие в захвате революционерами австрийской столицы. Многие из них посредством развития социального законодательства стремились ослабить австрийскую социал-демократию. Она еще не была столь популярна, как СДПГ, но постепенный рост численности членов социал-демократической партии Австрии настораживал и заставлял правящую элиту принимать срочные меры на упреждение. К тому же они были уже хорошо осведомлены о провале «исключительного закона» в Германии.

Однако в парламенте страны развернулась жаркая дискуссия по данному поводу. Принципиальным вопросом становится основы организации социальной системы в Австрии. Он тесно переплетался с ключевой проблемой развития австрийской государственности в XIX – начале XX вв. – форма организации власти в империи. Сторонники федерализации империи и часть профессионального сообщества предлагали отдать социальное законодательство на откуп коронным землям, то есть местным властям [12, s. 12.]. В пользу этого довода приводились аргументы о том, что каждая коронная земля Цислайтании имела значительную национальную специфику, особенности экономического и культурного развития, поэтому унифицированное социальное законодательство было нежизнеспособно [10, s. 2499].

Каждая коронная земля должна была разработать собственное социальное законодательство. Вена могла только определить некий общий формат закона. Общеавстрийское законодательство, по мнению сторонников данной политической линии, было нежизнеспособно [10, s. 2499]. Вена была далека от провинции, а депутаты Рейхсрата не понимали специфики развития различных регионов страны, в пылу полемики и, защищая свои местечковые интересы, они могли упустить из виду специфику развития далеких и непонятных им регионов. Принципы, которые можно было применить к развитым в промышленном отношении регионам, абсолютно не действовало в отсталых регионах. Трудно было поставить на один уровень крупную промышленность и мелкое ремесленное производство, тяжелую и легкую промышленность.

Производной формой от этой точки зрения являлась позиция, высказанная рядом парламентариев. Они призывали разработать автономные социальные законодательства, отдельно для каждой гильдии или цеха, в промышленности предполагалось, что каждая отрасль промышленного производства будет иметь собственное социальное законодательство [10, s. 2491]. В таком случае социальные законы будут работать наиболее эффективно, они смогут гибко реагировать на все изменения в отрасли и учитывать весь комплекс специфических факторов, определяющих развитие отдельных гильдий и цехов [10, s. 2491]. В этом случае можно будет оперативно вносить изменения в законодательство по требованию заинтересованных сторон. Здесь всплывал еще один важный фактор. В ряде коронных земель был смешанный национальный состав населения. В Богемии острые противоречия между австро-немцами и чехами могли парализовать работу социальных институтов, поэтому допускалось их создание по национальному принципу.

Сторонники этих двух точек зрения в качестве еще одного аргумента приводили лабильность социальных процессов в Австрии, что требовало в случае необходимости быстрого и качественного внесения изменений в законодательство. Формат общеавстрийского законодательства затруднял такую работу, что могло привести его нестыковку с реальной жизнью [10, s. 2491–2499]. К тому же если решения принимали местные ландтаги, то этот факт привязывал социальное законодательство к реалиям социальных процессов в той или иной коронной земле Австрии.

Австро-немецкие либералы и националисты выступили категорически против такой позиции. Они прекрасно понимали, что наделение коронных земель дополнительными функциями будет еще одним шагом на пути федерализации Австрии и империи Габсбургов в целом [12, s. 13]. За каждым действием правительства Э. Тааффе немецкие националисты и либералы видели очередной шаг к федерализации, поскольку сам Э. Тааффе и его окружение подозревались в приверженности федералистской идеологии, в том числе, когда речь заходила о социальном законодательстве [5, s. 57-63]. С одной стороны, в случае успеха реформ на местах аккумулировались значительные финансовые ресурсы, что еще более отдаляло периферию от Вены. С другой стороны, в глазах широких слоев населения улучшение их положения в данном случае ассоциировалось с местными властями. Позитивные изменения приписывались местным элитам и органам государственной власти. Обыватель терял еще один смысл необходимости сохранения единства страны [12, s. 13].

Наличие различных социальных законодательств, по мнению австро-немецких либералов и националистов, могло посеять хаос и неразбериху в стране, а также поставить промышленность ряда регионов в невыгодные условия деятельности. Местные власти, подверженные популизму, могли принять жесткие социальные законы, способные подорвать экономические принципы деятельности промышленных предприятий. Рейхсрат в этом плане действовал более осмотрительно, опираясь на экспертные заключения правительства Австрии. Кроме этого, социальное законодательство могло стать инструментом политической борьбы в коронных землях, когда каждая политическая сила, приходившая к власти, подгоняла социальные программы под свои представления. Более того, существование автономного социального законодательства раскалывало рабочий класс и увеличивало социальную дифференциацию среди рабочих [10, s. 2744]. Вместо интеграции рабочих в имперское пространство разжигался новый виток борьбы рабочих, оказавшихся на обочине социальной защиты за свои права.

После долгих прений парламент 20 мая 1886 г. принимает закон в последнем чтении и 25 декабря 1887 г. император подписал закон об обязательном страховании рабочих от производственных травм. Согласно закону 90 % страхового фонда формировали работодатели и 10 % – рабочие. В случае получения инвалидности от производственной травмы рабочий получал 60 % от заработной платы, а его наследники – 50 %. Кроме этого, закон 1894 г. распространял системы социального страхования от несчастных случаев на рабочих и служащих на случай болезни на транспортные предприятия, кроме морского и речного флота.

В результате жарких дискуссий парламент 29 марта 1887 г. принял закон о медицинском страховании рабочих, через год 30 марта 1888 г. его подписывает император. 4 апреля 1889 г. парламент страны принимает небольшие изменения в закон о страховании рабочих на случай болезни [12, s. 10].

Законы конца 80-х гг. XIX в. вводили социальное страхование для рабочих и служащих на крупных промышленных предприятиях, железных дорогах, в строительстве. Законы разрешали страхование для сельскохозяйственных рабочих, рабочих деревообрабатывающей промышленности, мелкой промышленности, надомников и всех трудящихся не старше 35 лет [1, с. 47]. Для сельскохозяйственных рабочих была сделана оговорка, что они подлежат страхованию только в случае работы с механическими двигателями, в том числе с сельскохозяйственными машинами. Кустари и некоторые категории сельскохозяйственных рабочих освобождались от страхования.

Литература

1. Страхование рабочих в западно-европейских государствах // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 2.
2. Bovet A. Les assurances ouvrières obligatoires et leur rôle social. Bern, 1901.
3. Grandner M. Conservative Social Politics in Austria, 1880–1890 // Working Paper. 1994. № 2.
4. Ebert K. Die Aufgabe der modernen Sozialpolitik in Österreich. Die Taaffesche Sozialgesetzgebung fuer die Arbeiter im Rahmen der Gewerbeordnungsreform (1879-1885) // Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. B.15. Wien, 1975.

5. Hantsch H. Die Nationalitätenfrage im alten Österreich. Das Problem der konstruktiven Reichsgestaltung // Wiener Historische Studien I. Wien, 1953. s
6. Metallarbeiter Zeitung. 21. 06. 1883.
7. Plener E. Die englische Fabrikgesetzgebung. Vienna, 1871.
8. Post. 4 January 1870.
9. Österreichische Parteiprogramme 1868-1966/ed. K. Berchtold. Vienna, 1967.
10. Stenographische Protokolle, Haus der Abgeordneten des österreichischen Reichstages. X Session. 22 September 1885 bis 18 December 1890. Wien, 1891.
11. Tálos E. Staatliche Sozialpolitik in Österreich. Rekonstruktion und Analyse. Wien, 1981.
12. Senghaas M. Sozialversicherung und nationale Solidargemeinschaft? Die Entstehung einer staatlichen Sozialpolitik in Frankreich und Habsburgermonarchie // Working Paper. 2011. №1.
13. Tálos E. Staatliche Sozialpolitik in Österreich. Rekonstruktion und Analyse. Wien, 1981.
14. Ucakar K. Demokratie und Wahlrecht in Österreich. Zur Entwicklung von politischer Partizipation und staatlicher Legitimationspolitik // Österreichische Texte zur Gesellschaftskritik. B.24. Vienna, 1985.
15. Weidenhalzer J. Der sorgende Staat. Zur Entwicklung der Sozialpolitik von Joseph II bis Ferdinand Hanusch. Vienna-Munich, 1985.

УДК 159.92(075)

Маловичко Сергей Иванович

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАРРАТИВЫ В СИСТЕМЕ ВИДОВ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В статье ставится вопрос о специфических чертах национально-государственной истории, возникшей в классической модели европейской исторической науки, определяется видовая характеристика такого историографического источника как национально-государственный нарратив. Автор уточняет понятие «социально ориентированное историописание», анализирует свойства национально-государственного нарратива как вида историографических источников.

Ключевые слова: источниковедение историографии, историографический источник, социально ориентированное историописание, классическая модель европейской исторической науки, национально-государственный нарратив.

Malovichko Sergey I.

NATIONAL NARRATIVES IN SYSTEM OF KINDS OF HISTORIOGRAPHIC SOURCES

In a paper raises the question of the specific features of the national history, occurred in the classical model of European historiography, the specific characteristic of kind of historiographic source as a national narrative is defined. The author clarifies the concept «socially oriented historical writing», analyzes the properties of national narrative as a kind of historiographic sources.

Key words: Source study of historiography, historiographic source, socially oriented historical writing, classical model of European historiography, national narrative.

Мое внимание к источниковедению историографии обусловлено теоретико-познавательной концепцией Научно-педагогической школы источниковедения [2], научным принципом которой является – *история как строгая наука*.

В данной статье я обращаю внимание на основные свойства такого историографического источника как национально-государственный нарратив, относящегося к группе видов социально ори-